

чиваясь опять таки частными указаниями. Къ сожалѣнію, ему осталась неизвѣстной цѣнная книга К. В. Харламповича, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь, томъ I, Казань, 1914. Слишкомъ бѣгло касается авторъ и русской борьбы съ богословіемъ Теофана. Наконецъ, слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ не остановился и на западныхъ откликахъ на русскіе доктринальные споры. Отъ нѣмецкаго изслѣдователя прежде всего можно было бы ожидать анализа и характеристики памфлетовъ Буддея, Яблонскаго, Рибейры, книги Коля: *Ecclesiae graeca lutherunizans* (1723) и подобныхъ — Все это не значитъ, что книга Коха лишена всякаго значенія. Иностранному читателю она даетъ неполный и неточный сводъ старыхъ русскихъ работъ. А русскому изслѣдователю напоминаетъ о его неисполненномъ долгѣ.

Георгій В. Флоровскій.

1929. 6-19.

ДМ. ЧИЖЕВСЬКИЙ. Філософія на Україні. Спроба історіографіі. — Прага, 1926, с. 200; 2 изд. — часть I, Прага, 1928; с. 142 (Литографированное издание).

Книга. Чижевскаго имѣетъ предварительный характеръ. Это — только библиографическій сводъ и обзоръ. Синтезъ собраннаго матеріала авторъ даетъ въ другой, печатающейся, но еще не вышедшей книгѣ: Нариси з історіі філософіі на Україні. Однако, уже и сейчасъ можно сдѣлать нѣкоторые выводы. Авторъ не находитъ на Украинѣ ни одного «великаго философа», и потому воздерживается отъ характеристики національнаго своеобразія украинской мысли. Онъ справедливо полагаетъ, что «національный духъ» узнается не по «среднему человѣку», но по «великимъ людямъ». Но нѣтъ надобности спорить о существованіи украинской національности. Остается безспорнымъ историческое своеобразие той культурной формаціи, которая связана съ Кіевомъ и Волынью. И это есть нѣкая историческая индивидуальность, во всякомъ случаѣ — въ XVI-XVIII ст. Историкъ долженъ разгадать и объяснить смыслъ и значеніе этой индивидуальной исторической формаціи. Въ этомъ заинтересованъ и историкъ русской культуры. Ибо — «кіевскій духъ» былъ однимъ изъ слагающихъ и роковымъ факторомъ въ русской духовной средѣ. Больше всего это чувствуется въ исторіи русскаго богословія и философіи. Съ этой точки зрѣнія исторія старой Кіевской Академіи въ XVII-XVIII вѣкахъ получаетъ принципиальную важность. Здѣсь впервые происходитъ рецепція западной учености и философіи, и вырабатывается своеобразный типъ русскаго западника и «русскаго европейца». Не случайно именно въ кіевлянахъ или, какъ тогда съ раздраженіемъ ихъ

называли на сѣверѣ, въ черкасахъ Петръ Великій нашелъ идейныхъ сторонниковъ своего переворота, и новый порядокъ церковно-общественныхъ отношеній въ первую половину XVIII-го вѣка осуществлялся силами именно черкасъ. Въ области духовной культуры можно говорить о «Кіевскомъ псевдоморфозѣ». Всего чувствительнѣе онъ былъ въ богословіи. Съ кіевскихъ временъ для большинства русскихъ школьныхъ богослововъ «образцы западной школы и позднее мудрованіе» стали ближе и роднѣе полузабытыхъ отеческихъ преданій. Смыслъ этого Кіевскаго псевдоморфоза до сихъ поръ не раскрытъ и не опознанъ вполне. Историческому синтезу мѣшаетъ недостаточность изданнаго матеріала. До сихъ поръ еще не написана подлинная исторія Кіевской Академіи, какъ ни цѣнны существующіе работы на эту тему. Слишкомъ много первостепеннаго матеріала до сихъ поръ не издано. Чижевскій, понятно, не восполняетъ этого пробѣла, но удачно суммируетъ выяснившіеся итоги. Онъ справедливо подчеркиваетъ, что нельзя подводить всю Кіевскую ученость подъ общее и неясное понятіе «схоластики»; убедительно показываетъ, что въ Кіевѣ XVII-го вѣка знали и о Ренессансѣ, и о новой философіи, и подбираетъ интересныя данныя о философскомъ чтеніи на Украинѣ въ XVII и XVIII в. Особо онъ обѣщаетъ вернуться къ вопросу о «рутенахъ» въ западныхъ школахъ въ XVI и XVII в. в. Здѣсь не мѣсто поправлять и дополнять обильныя бібліографическія справки автора. Но во всякомъ случаѣ, къ литературѣ о Прокоповичѣ нужно прибавить книгу Верховскаго о Духовномъ Регламентѣ (1916). Чижевскій ошибается: книга Зерникова: *De processione Spiritus Sancti* издана и въ латинскомъ подлинникѣ — кіевскимъ митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ (издателемъ Прокоповича), въ Кенигсбергѣ, 1774-1775, — Глава о Кіевской Академіи — лучшая въ книгѣ Чижевскаго. Въ главѣ о «Средневѣковьи» слѣдовало отмѣтить связь Кіева съ Новгородомъ. Если «литература жидовствующихъ» связана съ Кіевомъ, то какъ религіозное движеніе ересь раскрылась на сѣверѣ. Главу о Сковородѣ самъ авторъ въ позднѣйшемъ примѣчаніи называетъ устарѣлой («заразъ вже перестаріла») и отсылаетъ къ своимъ будущимъ работамъ. За послѣднее время о Сковородѣ не мало писали и образъ его постепенно вычерчивается, какъ образъ платонизирующаго преромантика, характерный для западнаго XVIII-го вѣка. Немало интересныхъ данныхъ собрано Чижевскимъ и въ главахъ, посвященныхъ XIX-му вѣку, — къ исторіи нѣмецкаго идеализма въ Россіи, о П. Д. Юркевичѣ. Справки автора получили бы большую рельефность на болѣе широкомъ историческомъ фонѣ. — Въ цѣломъ книга Чижевскаго — программа для увлекательной книги.

Георгій В. Флоровскій.

1929. IX. 7-20.